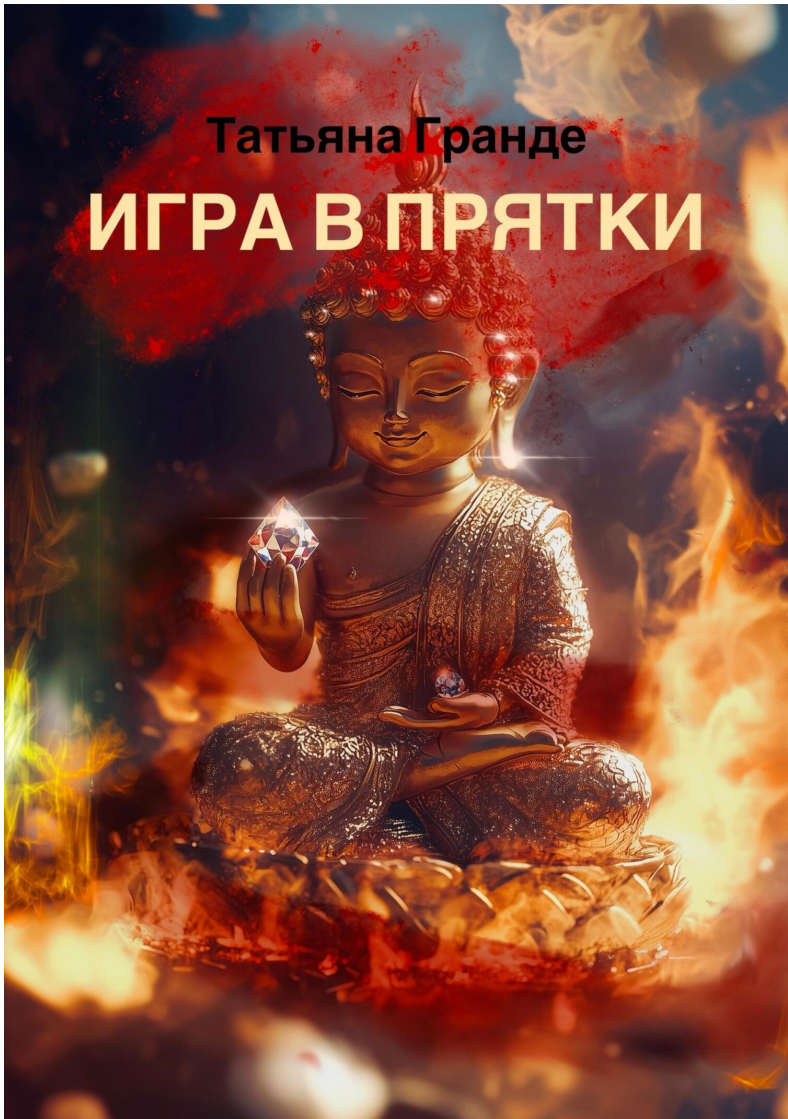

Татьяна Гранде

ИГРА В ПРЯТКИ

Татьяна Гранде

Игра в прятки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71626039

SelfPub; 2025

Аннотация

Когда Надю похищают и бросают в темный страшный подвал неизвестные , ей остается только найти способ побега или стать жертвой хитроумного бандитского плана. Ей придется разгадать сложную головоломку и перейти черту, где грань между жизнью и смертью очень призрачна. На ее пути встанет предательство друзей, чужие тайны и борьба за выживание на пределе человеческих возможностей. Какие сюрпризы преподнесет участникам действия жизнь накануне Нового Года?

Татьяна Гранде

Игра в прятки

ИГРА В ПРЯТКИ. Автор Татьяна Гранде.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПОТЕРЯ.

Машина Скорой неслась по городу, оглашая звуками сирены окрестности и заставляя прохожих невольно оборачиваться ей вслед.

Эти звуки рождали в умах людей тревогу. Наверное, каждый представлял себе картинку, подсказанную воображением! Не дай бог кому-то оказаться в этой машине, олицетворяющей беду...

Марине сейчас было очень страшно. Роды должны были начаться только через два месяца. Не сейчас! Но в ее душе жила надежда, что все будет хорошо. Она повторяла про себя молитву, крепко держа руку мужа.

Сергея смотрел на нее глазами полными боли и отчаяния.
– Все будет хорошо, Маришенька, – тихо говорил он, – все будет хорошо!

Когда машина подъехала к больнице, входная железная дверь открылась и двое дюжих парней-санитаров, подхватив носилки, уволокли Марину Тягунову в недра серого многоэтажного здания.

Сергею не позволили быть с женой. Он, конечно, пытался

прорваться в операционную, но строгая пожилая медсестра резко осадил его пыл, указав на стулья в конце коридора.

– Вы, папаша, не суетитесь! Нечего тут панику разводить. Сидите смирно и ожидайте, когда жена разродится. Вот взяли моду порядок нарушать.

Сергей Тягунов послушно отправился к стульям, где минуто назад бросил куртку и шапку, надеясь, что его все-таки пустят к жене.

Медсестра, удостоверившись, что нарушитель порядка утихомирился и больше не представляет опасности, удалилась.

Час ожидания показался ему целой вечностью. Стены, окрашенные краской отвратительного желтого оттенка, внушали чувство омерзения. Ему почему-то казалось, что эта ядовитая краска не должна иметь здесь места. Можно было сделать ее более мягкой, солнечной, но извращенный вкус завхоза заставил его остановиться при покупке именно на этом паршивом цвете! А мастерам не оставалось ничего, кроме как намазать этим недоразумением стены.

Тягунов поймал себя на мысли, что слишком долго думает о какой-то там стене. Слишком долго...

Причиной был страх. Неопишуемый, заставляющий душу трепетать и уходить мыслями в сторону от опасного, уже существующего события. Стена помогала протянуть время. Сейчас, когда все решалось, она как нельзя кстати, вводила его мысли от бездны отчаяния.

Его Маринке было уже сорок два. И эта долгожданная беременность, должна была помочь им, наконец, стать родителями. Впервые за долгие двадцать лет ей удалось удержать в своем чреве маленького человечка.

Зачем только она затеяла эту никому не нужную уборку? Его не было дома, иначе он ни за что не разрешил ей забраться на лестницу, чтобы повесить на окна новые шторы. Но он вернулся домой слишком поздно. Когда она уже лежала на диване и плакала...

Скорая приехала на удивление быстро. Им повезло.

Сергей вновь посмотрел на стеклянные двери, ведущие в операционную, и именно в этот миг они распахнулись, выпуская в коридор врача.

Через пару секунд Тягунов был возле него, с надеждой вглядываясь в лицо доктора.

– К сожалению, ничего утешительного я вам сказать не могу, – врач уводил взгляд вниз, словно вдруг найдя изъясн в собственных бахилах, – ребенка нам спасти не удалось. А с женой вашей все в порядке. Правда она потеряла много крови.

Сергей почувствовал, как пол уходит из-под ног, и еле удержав равновесие, нашел в себе силы спросить:

– Как же так, доктор? Нашего малыша больше нет? Неужели ничего нельзя было сделать? Совсем ничего?

Врач устало стянул с головы белую шапочку.

– Мы сделали все что могли. Радуйтесь, что не потеря-

ли жену. Но вы должны знать. У нее больше никогда не будет детей. Но это не приговор. В конце концов, детские дома полны ребятишек.

Спустя неделю, Марина была дома. Она уже не плакала и почти ничего не говорила. Она могла часами сидеть без движения, уставившись в телевизор, делая вид, что следит за происходящими на экране событиями.

Тягунов понимал, что эта своеобразная игра в молчанку ни к чему хорошему привести не может, но и выхода из создавшейся ситуации не видел. Да и что он мог поделать с этим ее маниакальным желанием не верить в реальность? Она продолжала делать вид, что ребенок вот-вот появится.

Он замечал, что Марина, когда он неожиданно возвращается с работы, стремительно убирает детские вещи и игрушки.

Зачем он перебирает их, он, конечно, понимал. Как понимал и то, к каким последствиям это может привести...

Сегодня он опять пришел домой раньше обычного. Специально отпросился. Потому что с самого утра его не покидало чувство тревоги. Словно что-то должно было произойти.

Марина опять разложила на диване крохотные вещицы и сегодня даже не попыталась убрать их. Ее взгляд не был устремлен в экран с монотонно бубнящим диктором какой-то политической программы. Она держала на коленях

маленькую мохнатую кофточку и, поглаживая ее рукой, даже не подняла глаз на приблизившегося почти вплотную мужа.

– Опять? – Сергей присел рядом на краешек дивана и попытался обнять жену. Марина быстрым движением скинула его руку, но он сделал вид что не обиделся, продолжая. – Марина! Это невозможно! Я унесу их отсюда!

Она ничего не ответила, и тогда он встал и принес с кухни пакет. Как только он начал быстро запихивать в него детские вещи, Марина вскочила и вцепилась в его руки словно дикая кошка.

Она умудрилась даже оцарапать его, вырывая злосчастный пакет.

А когда отняла, запихала его в шкаф и упав на диван, заплакала, громко и страшно. Содрогаясь всем телом.

Сергей попытался обнять жену за плечи, но не желая принимать его жалость, пыталась освободиться.

– Мариша! – тихонько говорил он. – Все будет хорошо, я обещаю.

– Ничего хорошего не будет! – злобно выкрикнула она. – И ты это знаешь!

Чтобы не быть рядом с ним, она встала и пересела в кресло. И стала опять бездумно смотреть телевизор.

Главное, что она перестала плакать...

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПОХИЩЕНИЕ.

Еще только начало темнеть. Декабрь оправдывал свое зимнее предназначение начавшейся метелью. Дворники машины с трудом справлялись с крупными снежинками, мгновенно налипающими на них.

Ему не хотелось ехать домой. Он стал казаться ему враждебным, поджидающим, словно монстр, чтобы принести его в жертву. Он с великим удовольствием наматывал бы круги по городу, лишь бы не оказаться во власти невыносимой безысходности и отчаяния.

Тягунову нравилось смотреть на спешащих домой, запорошенных снегом людей. Их лица казались ему счастливыми. Они даже не подозревали, как счастливы. Ведь дома их ждали близкие с нетерпением и радостью. Так, по крайней мере, Сергею казалось.

Телефонный звонок прервал его раздумья. Звонившей, неожиданно оказалась Марина. Он даже обрадовался, что она вернулась к жизни, вспомнив о повседневных делах, но голос жены звучал монотонно и отрешенно.

Она продиктовала ему список продуктов, и тут он увидел перед собой маленький продуктовый магазинчик.

– Да, я понял. Не волнуйся, все куплю.

Резко крутанув руль, он повернул к площадке-парковке. Стая голубей, выклеывающих из-под снега семечки, брошенные рукой сердобольного покупателя, испуганно взметнулась вверх. Однако голод пересилил страх и вскоре они всей своей огромной стаей спустились на мерзлую бетони-

рованную площадку.

Когда он вышел из машины, то морозец сразу прихватил его руки и уши. Метеослужба на этот раз не обманула. На улице, действительно, сильно похолодало, и он пожалел, что не надел шапку.

Снежинки быстро ложились на его волосы и настырно забирались под воротник куртки.

Тягунов прибавил шаг и, достигнув крыльца магазинчика, уже намеревался, толкнув закрытую дверь войти внутрь, но услышал нечто похожее на смесь плача и писка и, повернув голову, увидел слева от себя детскую коляску.

Повинуясь какому-то непонятному чувству тревоги и обязательности, он отнял руку от ручки двери и подошел к предмету плача.

В коляске лежал ребенок. Его личико было искривлено криком, а голубые глаза смотрели на Сергея с обидой и непониманием.

Он, повинуясь инстинкту необходимости прекратить это волнение, покачал коляску, но дитя не успокоилось, а напротив, принялось орать еще громче.

Тягунову покачал коляску сильнее. И ребенок неожиданно умолк. Он смотрел на него, не отрывая взгляда.

Дальше произошло непонятное...

Опомнился Тягунов лишь в машине. Если бы голуби могли и хотели стать свидетелями случившегося, то смогли бы поведать о том, как странный дядька выхватил ребенка из

колясочки и утащил его с собой.

Скрывшись в большой черной машине, странная парочка уехала прочь.

Не прошло и минуты, как двери магазинчика распахнулись, выпуская наружу молодую женщину. Она шла к коляске очень осторожно, стараясь не поскользнуться и не упасть, неся в руках целлофановые пакеты с продуктами, и совсем не смотрела по сторонам.

Не доходя до коляски метра три, женщина громко вскрикнула и, уронив пакеты на землю, в ужасе прижала ладони к лицу.

Рыжие шарики мандаринов колоритно дополнили собой снежный натюрморт. Голуби, вновь испуганно замахав крыльями, взлетели вверх.

Женщина раненым зверем металась по маленькой площадке возле магазина, обезумев от горя и совсем не понимая, что же ей теперь делать.

– Лиза! Лиза! – кричала она.

Ужас, маской застывший на ее лице мог бы испугать кого угодно, но свидетелей происшедшего не было. Только огромные падающие снежинки да прожорливые бездушные голуби!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПОДАРОК.

Он быстро вошел в подъезд и, поднимаясь по лестнице

сверху, осторожно, но крепко прижимал к груди ребенка. Малыш боязливо молчал, и он, Сергей чувствовал его дыхание, биение сердечка и запах молока.

Тягунову хотелось скорее оказаться дома, ему казалось, что малыш продрог, лежа в коляске и, возможно, заболел. Его, почему-то, беспокоила только эта мысль.

Стоя перед дверью, Сергей открыл ключами дверь и зашел в квартиру.

В прихожей было темно. В комнате тоже. Лишь отблески экрана телевизора, вырывали у темноты пространство.

Марина сидела в кресле и никак не отреагировала на приход мужа. Впрочем, как всегда...

Она не могла даже предположить, какой подарок он приготовил для нее.

Наверное, от него, вошедшего, повеяло уличным холодом, или, скорее, она тоже почувствовала исходящий от малыша запах.

Повернув голову и увидев его, она растерялась, но вдруг ее лицо преобразилось, сменив маску равнодушия на испуг, смешанный с восторгом.

– Малыш! Наш малыш, – Марина подбежала к Сергею и забрала у него ребенка, и не переставая целовать его, потащила к дивану, –какой чудный! Ой! Ему же жарко!

Она усадила ребенка и проворно стащила с него комбинезон.

Сергей молча смотрел на преображение Марины. Ее лицо

словно озарил внутренний свет. Она вновь стала прежней, привычной, жизнерадостной. Одним словом – его Мариной. И тут Тягунов испугался. И сразу же призрачная пелена пала, обнажая ужасную реальность совершенного им гнусного поступка.

Как он мог украсть ребенка? Как только это пришло ему в голову! Осознав, что натворил, Сергей попытался все исправить.

Подойдя к Марине, он коснулся ее плеча.

– Мариша! Это не наш ребенок. Его нужно вернуть. Я не знаю, что со мной произошло. Я увидел его в коляске около магазина. Одного. Я не смог пройти мимо. Прости!

– Ой! Это девочка! Дашенька! Наша Дашенька! – она словно не слышала его слов. – Представляешь, у нашей девочки твои голубые глаза и мой нос.

Сергей опустился на диван рядом с ней и вновь предпринял попытку вернуть ее в реальность:

– Марина! Это не наша девочка!

Сергей попытался взять ребенка из рук жены. Но Марина не дала ему сделать это. Она прижимала малышку к себе, гладила ее по светлым кудрявым волосикам и то и дело целовала в розовые пухлые щечки.

– Сережа! Прекрати! – неожиданно ласково ответила она. – Ты ее пугаешь! И меня тоже! Маленькая останется здесь, и я не хочу обсуждать это. Иди лучше вскипяти молочка, наша девочка хочет кушать.

Сергеем овладело отчаяние. Он понял, что только ухудшил ситуацию!

– Мариночка! Послушай меня, я совершил ошибку. Я идиот. Но ты- то способна мыслить разумно. Если мы не вернем сейчас же ребенка, нас с тобой найдут и посадят в тюрьму на много-много лет.

Марина встала, и отправилась на кухню с ребенком на руках. Сергею ничего не оставалось, как следовать за ней.

– Даже если сейчас ты отнесешь ее обратно, тебя обязательно посадят.

Марина открыла холодильник и, достав пакет молока, посмотрела на Сергея:

– Придется теперь принять ситуацию и жить с этим дальше.

Марина деловито передала ребенка Сергею и достала ковшик. Налив в него молока, она поставила посудину на газ и долго искала в ящиках манную крупу.

– Это невозможно! – попытался воззвать к ее разуму Сергей.

– Да, это скверно, отвратительно! Но от этого никуда не деться. Ты же знаешь, я не смогу без тебя. Если тебя посадят в тюрьму и тебя не будет рядом, мне незачем жить!

Сергей безвольно опустил на мягкий пуфик возле стола, а Марина нашла, наконец, крупу и, насыпая ее в ковшик, уверенно произнесла:

– Нам нельзя здесь оставаться. Сейчас же нужно уехать на

дачу. Я с малышкой буду жить там, а ты будешь ездить на работу в свою любимую редакцию оттуда.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. НИНА.

Нина не находила себе места. Заявление в полицию ей ничем не помогло. Тощий невысокого роста следователь до-тошно выпрашивал у нее детали.

А что она могла сказать? Какие детали? Она не могла себе простить, что пожалела будить крепко спящую Лизу и оставила ее всего на пару минут в коляске. Всего на пару минут...

И они изменили все в ее жизни. Если можно бы было повернуть время вспять... Если бы можно было. Но нет. Черный демон воспользовался ситуацией и забрал ее ребенка. Наверное, он хотел наказать ее за беспечность.

В сознании Нины вновь возникла картинка с пустой коляской. Потом она сменилась на другие воспоминания. Теперь она держала смеющуюся малышку на руках и была счастлива.

Уколом в сердце вонзилась в мозг мысль, что она никогда не увидит свою Лизочку. Это невозможно было осознать. Только не это. Пусть лучше бог заберет ее душу на небо, чем она, Нина, будет жить без своей малышки.

Встав на колени перед иконой Богородицы, молодая женщина долго просила вернуть ей дочь. Потом, поднявшись, Нина подошла к окну и вдруг увидела там, внизу, женщину

с коляской.

Нет, коляска не была похожа на Лизонькину. Абсолютно ничем. Но Нину охватила такая тоска, что она не могла более ей противостоять.

Она вытащила из тумбочки баночку с успокаивающими таблетками, которые, к слову, ни черта не успокаивали и, перестав контролировать свои действия, выпила много-много белых кругляшков, запивая их водой из высокого прозрачного стакана. Вытянувшись струной на кровати, Нина закрыла глаза, надеясь, что невыносимая душевная боль отступит.

Наверное, если бы у Нины не было друзей, то жизнь ее прямо сейчас бы и закончилась, но к счастью добрый ангел в виде старушки Екатерины Андреевны, проживающей в этом же подъезде, решил навестить ее именно сейчас. Тем самым, спасая от неминуемой гибели.

Стоя перед дверью Нины и собираясь нажать на кнопку звонка, старушка вдруг заметила, что она вовсе не заперта и потому, легонько толкнув ее, попала в прихожую.

– Нина! Нина, где ты? – тихонько позвала старушка, зябко кутаясь в длинную, толстой вязки серую кофту.

Не услышав ответа, Екатерина Андреевна прошла по коридору, заглянула в кухню и не найдя там хозяйки, решительно направилась в спальню. И сразу же увидела лежащую на кровати Нину.

– Нинка! Дуреха! Ну что же ты наделала!

Одного взгляда было достаточно чтобы понять – Ниночка не просто спит. Ее лицо было неестественно белым, и она совсем никак не отреагировала на движения рук Екатерины Андреевны.

Напрасно та старалась вернуть ее к жизни. Тело женщины уже было почти во власти старухи с косой со страшным названием смерть!

Но Екатерина Андреевна много повидала в свое жизни и потому не растерялась и скорехонько вызвала Скорую:

– Девушка! Тут женщина отравилась, таблеток наглоталась! Приезжайте скорее! Лесная двадцать пять! Я вас встречу!

ГЛАВА ПЯТАЯ. ОТКРОВЕНИЕ.

Сегодня он освободился раньше. Поездка на дачу обычно не занимала много времени.

Ему нравились эти места. Они вызывали в душе чувство покоя и равновесия.

Вдоль дороги росли сосны. Ровные, упирающиеся вечнозелеными верхушками в самое небо, они были верными стражами лесной тишины. По пути на дачу можно было подумать о жизни и о чем-то еще.

Раньше, по пути сюда, после долгого и трудного рабочего дня, он обдумывал новые статьи. Здесь, и правда, хорошо думалось. Обычно на этой дороге рождались умные мысли.

Может быть, это место, эта дорога были особенными, волшебными?

Справа появился поселок. Он словно родился в этом лесу, гармонично врезаясь своими милыми маленькими домиками в природу.

Погода продолжала радовать людей, уже отвыкших от прежних холодов, морозцем. Из труб домишек валил дым. И Сергей невольно вернулся мыслями в свое детство. Он вспомнил вкус блинчиков из печки и любимую бабушку.

Вот он сидит с книжкой в руках, прижавшись боком к теплой печке. А бабуля выкладывает на тарелку румяные, покрытые нежной золотистой корочкой, пухлые блины. Из этой самой русской печи. А вынимая, приговаривает:

– Вот ты, Сережка, все читаешь-читаешь. Давно бы сам взял и написал книгу. У тебя голова, вон какая круглая! Видать и мозгов в ней полным-полно!

– А ты, ба, мою книгу читать хоть будешь?

– А что не буду? С превеликим даже удовольствием почитаю, -отзывалась бабуля, ласково поглядывая на него.

Не почитала... Болезнь забрала ее раньше, чем он стал писать...

Воспоминания ослабили его внимание и мелькнувшая перед машиной тень, заставила его резко крутануть руль и нажать на тормоза.

Хвала богу за его быструю реакцию, иначе он запросто бы сбил неожиданно выскочившую на дорогу женщину.

Наверное, он все-таки задел ее, потому что бедолага упала и Сергей, выскочив из машины, бросился к ней.

Она лежала на боку и пыталась встать, и Тягунов подал ей руку, помогая подняться, но, не сдержал гнев:

– Да что это такое, черт возьми! Вам что, жить надоело?

– Простите! Простите, ради бога!

Женщина умоляюще скрестила на груди руки. На ней была потрепанная дубленка, надетая поверх байкового халата и валенки на босу ногу. И к тому же, она была без шапки, несмотря на совсем не теплую погоду.

– Я ничего не вижу вокруг! У меня доченька пропала. Пока я кушать готовила, она и выскочила из дома. А тут лес кругом, дорога. Что мне делать?

Женщина заплакала, и Сергей попытался ее успокоить:

– Подождите, а почему вы решили, что она побежала в лес? Где ваш дом?

– Да вот! – ответила она, махнув в сторону старого домика неподалеку.

– Давайте посмотрим около дома! – Сергей решил непременно помочь ей и первым пошел в сторону построек. – Наверяд ли, девочка побежала в лес.

– Да мы елку хотели ставить, может она и решила присмотреть подходящую, – продолжала всхлипывать женщина.

Искали недолго. Сергей заметил, за сараем с дровами, уходящую вниз, к реке, естественную горку и решительно

направился туда, решив обследовать еще и эту часть лесного местечка.

Он не сделал и сотни шагов, как из-за угла сарайчика появилась девочка. Она волокла за собой на веревке желтую пластиковую «ледянку».

– Ваша потеряшка? – улыбнулся Тягунов.

– Рита! Где ты была? Я звала тебя!

Мать бросилась к дочери, прижимая ее к себе.

– Мама! Я не слышала, я каталась с горки, прости, мама.

Сергей заметил слезы в глазах женщины, но это были уже слезы радости, а не горя.

– Спасибо вам, добрый человек! Я так боялась! Тут дорога. Так вот посадят в машину мою Риточку и, концов не сыщешь. Сейчас злодеев много. Детей крадут и на органы режут. Телевизор страшно смотреть! Вон мамаша девочки, что украли в Горном, врач, лишить себя жизни хотела. Еле откачали. У меня сестра в больнице работает. Рассказывала.

Женщина прижала к себе девочку и побрела к дому, а Сергей вернулся к машине. Впервые за эти дни у него на душе было хорошо. Он смог сегодня хоть кому-то помочь, принести пользу, добавив копеечку в копилку добрых дел.

Тягунов построил себе хоть и не очень большую, но вполне добротную дачу. Впрочем, даже не дачу, а дом. Дачей он мог назвать менее грандиозное строение. А в его доме было все, что нужно для жизни. Трех комнат вполне хватало, что-

бы чувствовать себя комфортно. Летом здесь было особенно хорошо.

Марина посадила перед домом много кустов роз и еще каких-то неведомых растений, которые разрастались, радуя глаз веселым разноцветием.

Сейчас, зимой, здесь все выглядело гораздо спокойнее. Только вот елка во дворе, уже наряженная к Новому году, радовала взгляд.

Тягунов вышел из машины, стряхнул с ботинок снег и зашел в дом.

Марина с девочкой на руках сразу вышла ему навстречу.

– А вот и папа пришел! Папу кормить нужно, а у нас с Дашенькой все готово! Картошечка с селедочкой, как ты любишь!

Мариша достала из холодильника селедочницу и, посадив ему, усевшемуся перед столом на руки малышку, выложила из кастрюли в тарелку картофельное пюре. Отправив его на подогрев в микроволновку, она присела на стул.

– Устал? – спросила она, заглядывая ему в глаза. – Ты долго ехал сегодня.

– Да, чуть женщину не сбил на дороге. Она дочку потеряла. Переживала очень, плакала. Я помог ее найти.

Лицо Марины вдруг изменилось, она встала, вытащила из микроволновки тарелку и, поставив перед мужем, тут же забрала у него девочку.

– Вот и молодец, что нашел.

Когда она ушла в комнату, Сергей не удивился и пожалел, что вообще рассказал ей о происшествии.

Он включил телевизор и, поедая ужин, поглядывал на экран, по давней привычке желая быть в курсе последних событий.

Милая женщина-диктор вещала:

– Поиски пропавшей девочки, Лизы Корчиной не дали результатов. В городе Горный поиски две недели вели полиция и волонтеры. На улице Лесной у дома двадцать пять были обследованы все подвалы и прилегающие к дому скверы. Мать девочки была доставлена в больницу. Ей была предпринята попытка суицида, но врачам удалось спасти ей жизнь. А теперь к другим новостям.

Сергей отодвинул тарелку в сторону и обхватил руками голову, словно пытаясь избавиться от продолжавшего звучать голоса диктора.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. МУКИ СОВЕСТИ.

Тягунов не стал доедать ужин. Какая-то неведомая сила тянула его к дому на улице Заречной. Ему казалось, что диктор специально для него назвала адрес. Конечно, это было чистейшей воды бредом. Но, тем не менее, он решил – случившийся факт не был случайным. Он вообще не верил в случайности, считая, что все в этом мире закономерно.

Он даже не предупредил Марину о своем уходе. Может быть, он боялся, что жена остановит его? Не даст совершить

задуманное?

Во всяком случае, Тягунов покинул дом очень тихо. Даже дверь за собой он постарался закрыть совершенно бесшумно.

Городок жил предновогодней жизнью. Уже почти во всех витринах горели разноцветные огоньки. Гирлянды были повсюду. Даже деревья превратились в сказочных рукастых существ. Их ветки уже нельзя было назвать голыми. Они торчали в разные стороны, блистая и синим, и красным, и желтыми огнями. Необычно, но вполне даже празднично!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. НЕВОЗМОЖНОЕ.

Тягунов сам бы не смог объяснить, если бы его спросили, зачем ему понадобилось сюда ехать. Но, тем не менее, не прошло и часа, как он остановил машину у дома под номером двадцать пять и, выйдя на улицу, направился напрямик к крайнему слева подъезду.

У дома, возле каждого подъезда разместились одинаковые сине-зеленые скамейки. Хилые кустики тянулись к небу украшенными снегом ветками. Метель закидала их ватой, превращая невзрачные растения в нечто сказочное.

Сергей смахнул снег с деревяшки скамьи и, усевшись, принялся рассматривать окна. Где-то уже горел свет, а где-то было совсем темно.

В ту самую минуту, когда Тягунова посетила здравая

мысль, что сидеть здесь и пялится в окна глупо и бессмысленно, из подъезда вышла бабулька и небыстро преодолев несчастные метры, опустилась рядом с ним.

Она вытащила из кармана кулек семечек и ловким движением раскидала их перед собой, тем самым, быстро собирая возле своих ног стайку прожорливых голубей. Сергея увлекло это зрелище...

Забавно было наблюдать, как упитанные птицы отталкивают тощих заморышей-собратьев, борясь за каждое зернышко. Но те и не думают отступать и, потоптавшись в сторонке, упорно и героически возвращаются в самую гущу глубины стаи.

Он не заметил, как к ним со старушкой приблизилась молодая женщина. А когда увидел, то удивился странному облику этой очень даже симпатичной особы.

Ее лицо было необычайно бледным. Яркие краски полностью отсутствовали в ее образе. На лице не виднелось ни капли косметики, а ее одежда лишь завершала унылое впечатление. Черное тонкое суконное пальто и черная вязаная шапочка дополняла этот мрачный образ.

– Эх! Опять ходила, горемычная! Все ищет доченьку свою, – наклонившись к Сергею, еле слышно прошептала старушка, затем окинув женщину взглядом с головы до ног, уже громко спросила:

– Ты что, Нина, так нарядилась? На улице холодно. И вид у тебя такой нехороший. Опять таблеток переборщила? Брось

ты эти таблетки. Опасно это! Опять в больницу попадешь! И дверь открытой опять оставила в квартиру-то.

– Не холодно мне, – женщина останавливается возле скамейки, – а вы, баба Катя, обманули ведь меня.

– Да что, милая, обманула-то? – удивилась старушка.

– Вы сказали, что скоро найду я доченьку свою, – женщина жалобно всхлипнула и тут же смахнула показавшуюся слезинку ладошкой, – а я не нашла...

– Сказала, значитца, так и будет! – сердито буркнула баба Катя. – Я всегда правду говорю.

Нина отчаянно взмахнула рукой и ушла, скрывшись в подъезде.

Старушка вновь наклонилась к Сергею и тихо, словно боясь, что несчастная услышит ее слова, посвятила неожиданного собеседника в суть событий.

– Приходила ко мне гадать на картах... Нинка-то, – бабка подняла с заснеженной земли облезлого кота и посадив его себе на колени, продолжила:

– Я много чего вижу. Сказала, найдет девочку свою, значит –найдет! У нее долго детей не было. У Нинки-то. Потом от капитана дальнего плавания каким-то чудом родила. А пожениться не успели. Корабль затонул на дальних морях-океанах. Как и не было капитана. Теперича, правда, и дочки нет. Боюсь, тронется Нинка умом. Двери в квартиру не закрывает. Говорит – нечего брать. А ты сам-то, кого ждешь?

– Друга, – зачем-то соврал Тягунов, – договорились встретиться. Но, видно, не дождусь уже.

Сергей хотел уже встать, но тут дверь подъезда распахнулась и оттуда выехала коляска, которую толкала перед собой молодая и, не совсем трезвая, вернее, сильно нетрезвая, девица.

Резко тормозя перед бабулей, эта пьяная особа вдруг увидела Сергея и, внутренне встряхнувшись, кокетливо ему улыбнулась.

– Опаньки! Бабуль, а ты, никак, ухажером молоденьким обзавелась?

– Тьфу, на тебя, Женька! – добродушно усмехнулась старушка, махнув в сторону девицы варежкой. – Противно слушать что несешь! Ты никак опять глаза свои бесстыжие залила! Ребенка хоть пожалей!

Девица наклонилась к бабуле и смачно чмокнула ее в щеку.

– А вот ты и пожалеешь, жалельщица наша знаменитая, – Женька умоляюще скрестила на груди руки, – баб Кать, посиди чуток с Дашкой. Я мигом вернусь. Слетаю туда и обратно.

Не дожидаясь ответа, девица стремительно, насколько могла, сорвалась с места. Старушка только и успела, что плюнуть ей вслед.

– Эх, шалава! Теперь сидеть до ночи с дитем, а, может, и до утра, пока мамаша беспутная нагуляется.

– Так мужу ее или родителям, ребенка отдайте, – посоветовал Тягунов, поднимаясь и стряхивая с колен снег.

– Э-эээ, милый, – вздохнула баба Катя, – нет у нее никого! Детдомовка она. Без роду, без племени. И дитя это несчастное сама не знает от кого родила. Беда, да и только.

– Да... Беда, – соглашаясь, кивнул головой Тягунов, – до свидания. Пора мне.

Пока он шел к машине, старушка внимательно и серьезно смотрела ему вслед.

– Иди, раз пора. Вернешься еще.

Младенчик в коляске тревожно захныкал, но не проснулся, и бабе Кате пришлось встать, сбросив с колен пригревшегося котичку, чтобы покачать колясочку.

Почему-то на обратном пути Тягунов совсем не замечал красот подготавливающегося к Новогоднему празднику города. Все его мысли были заняты лишь женщиной в черном. Ее лицо немым укором стояло перед ним. Он даже едва не столкнулся с едущим навстречу автомобилем, неожиданно выскочившим на перекрестке.

Чудом избежав аварии, он почему-то подумал о том, что кара небесная неминуемо настигнет его.

Не может же быть такого, что Господь оставит его подлое деяние безнаказанным! Ведь эту несчастную, раздавленную горем Нину, так назвала ее бабуля, лишил ребенка именно он!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. РАВНОВЕСИЕ.

Когда он вернулся домой, то на пороге его встретила теща. Светлана Сергеевна держала на руках Дашу и мохнатого смешного зайца.

– А вот и папа пришел, – теща поцеловала его в щеку.

– Добрый день. А Мариша где?

– Мариша поехала к подруге, – улыбнулась Светлана Сергеевна. Часика через два-три вернется. Велела тебя накормить.

Женщина пошла на кухню, собираясь выполнить наказ дочери.

Сергей быстро разделся, вымыл руки, и пока теща пыталась успокоить хныкающую девочку, заглянул в холодильник.

Он извлек оттуда только бутылку водки и тарелку с нарезкой мяса и сыра. Не найдя рюмки, он, не замечая взгляда изумленной Светланы Сергеевны, выставил на стол стакан и наполовину наполнил его.

– Курочку что, не будешь? – растерянно спросила она. – Ты разве, не голоден?

– Да, я не хочу есть. Я хочу сильно, очень сильно напиться.

Сергей сел за стол, включил телевизор и, бездумно смотря в экран, залпом выпил водки.

Отправив в рот кусочек сыра, налил еще, но пить не стал.

Обхватив голову руками, он смотрел в одну точку. Теперь совсем не в экран телевизора, чем сильно испугал Светлану Сергеевну.

Она отвела малышку в комнату и, посадив в манеж с игрушками, вернулась на кухню.

– Что-то случилось, Сережа?

– Случилось. Только не сейчас, не сегодня. Как я мог совершить такую страшную ошибку?

Светлана Сергеевна не поняла его слов. В комнате громко заплакала девочка. Наверное, и ей передалось состояние напряжения и отчаяния...

Женщина, вскочив со стула, на который только что присела, подошла к манежу и постаралась уговорить малышку не кричать:

– Дашенька, папе надо отдохнуть. Папа сильно устал! Смотри, куколка ждет, когда ты с ней поиграешь, милая.

– Ее зовут не Даша! – вдруг громко выкрикнул Сергей. – Она Лиза! И я украл ее жизнь. Вот просто взял и украл, думая, что имею на это право. Улучшить свою жизнь за счет жизней других! Теперь я должен все исправить.

– Что исправить? Сережа, что ты хочешь исправить?

Лицо тещи выражало ужас.

Наверное, он и правда, выглядел сейчас страшно. По крайней мере, женщина впервые видела приличного и уравновешенного зятя таким.

– Светлана Сергеевна, оденьте малышку. Здесь душно. Я

выйду с ней на улицу.

– Сергей, ты уверен, что хочешь погулять с Дашей? По-моему, ты не очень хорошо себя чувствуешь. И ты выпил.

– Я хочу выйти на улицу с ребенком, – упрямо повторил он и

Светлана Сергеевна не осмелилась перечить. Да к тому же она поняла, что не сможет его остановить. Уж где ей справиться с мужиком под метр девяносто? Она сильно пожалела, что отпустила Марину. Та уж точно бы справилась с этим упрямцем!

– Хорошо... Хорошо... Я сейчас одену ее для улицы.

Светлана Сергеевна вышла с кухни и вскоре вернулась с уже одетой в яркий комбинезончик Дашей.

Сергей молча взял ребенка на руки и вышел на улицу.

Светлана Сергеевна выскочила на крыльцо вслед за ним и, трясаясь от холода в своем тоненьком халатике, жалобно попросила:

– Возвращайтесь скорее. Мне бы не хотелось, чтобы Марина, когда вернется, не застала вас.

– Идите в дом, – повернулся к ней Сергей, – простудитесь.

Снежинки, кружась, ложились на ее седую голову, а ветер забирался под халат, морозя голые ноги, и тогда ей пришлось вернуться в тепло.

Когда дверь за тещей закрылась, Тягунов быстро пошел к машине, посадил девочку в детское кресло и выехал со двора.

Машина ехала вдоль сосен. Лишь свет фар освещал дорогу, и в этом было что-то зловещее.

Наверное, Тягунов понимал, что его ждет по возвращении. А ведь

он уже привык видеть Марину веселой. Прежней!

Теперь же ему предстоит испытать то, что казалось, ушло безвозвратно. Вновь испытать.

Наверное, он мог бы повернуть обратно. Смириться. Забраться в уютный, теплый кокон и плыть по течению. Как получится. Как уже получилось!

Мотнув головой, Тягунов отогнал наваждение и прибавил газу, боясь, как бы черный демон не нашептал ему еще что-то, смущая его и без того мечущуюся грешную душу.

Девочка заснула в своем кресле. И Тягунов был рад, что она больше не плачет.

Когда машина въехала в город, хмель уже вполне выветрился из него. И он хорошо понимал, что делает и что хочет сделать.

Затормозив у знакомого уже дома под номером двадцать пять, Сергей вышел из машины и, вытащив спящую малышку из кресла, направился к подъезду.

Он поднялся по лестнице вверх и осмотрелся по сторонам, стараясь понять, где находится нужная квартира и вдруг увидел, что одна дверь на лестничной клетке приоткрыта. И сразу вспомнил бабулины слова. Только здесь могла жить та

скорбная, в черной одежде, женщина.

Зайдя в квартиру, он приготовился к объяснениям, но ничего не обнаружил. Тягунов прошел по коридору, заглянул на кухню и наконец, понял, что Нины в квартире нет. Тогда он увидел еще одну комнату. В ней было много игрушек, а в углу стояла детская кроватка.

На кружевной подушке лежал белый пушистый медвежонок. Казалось, он незаслуженно занимал чужое место, но его присутствие здесь делало кроватку хоть как-то заполненной. Пусть хотя бы этой плюшево-игрушечной энергией.

Тягунов положил спящую малышку на стоящий в углу комнаты диванчик и осторожно снял с нее одежду.

Он был рад, что ребенок не проснулся. Теперь он мог положить девочку в кроватку, что с удовольствием и сделал, предварительно отодвинув с подушки медвежонка.

Лиза, а теперь это была именно она, повернулась на бок и обняла рукой любимую игрушку.

Сергей смотрел на нее не больше минуты. Он понял, что может избежать тяжелой беседы с матерью, лишь немедленно покинув квартиру. Да и как бы он мог объяснить Нине свой поступок? Она могла вернуться в любой момент и Тягунов, улыбнувшись спящей девочке, покинул квартиру.

Теперь душа его перестала метаться, но внутри появилась пустота. Он не знал, что ждет его дальше, но в одном уверен был точно -то, что он сейчас сделал, было правильно!

Он успел спуститься на два пролета ниже, как вдруг уви-

дел идущую навстречу женщину в черном. Нина шла, опустив глаза и, поравнявшись с Сергеем, даже не обратила на него внимания.

Это его вполне устроило.

Находясь уже на первом этаже, он почувствовал укол в области сердца и, склонив голову к перилам, пару минут стоял так, боясь выпрямиться.

Ему казалось, что, то самое возмездие, о котором он думал совсем недавно, наконец, настигло его.

И именно в эту секунду дверь на площадке распахнулась, выпуская знакомую ему старушку.

– Что, сынок, поплохело тебе? Иди, я водички тебе дам.

Да, это была она – Екатерина Андреевна, и Тягунов вдруг почувствовал, что боль чуть-чуть отпустила, и как завороченный пошел за бабулей.

Нина чувствовала себя сомнамбулой. Ее движения чем-то напоминали движения робота, запрограммированного и тупого. Она включила свет, прошла на кухню, чтобы поставить чайник на плиту.

Зажгла газ и отправилась в комнату. Там бросила на диван пальто и шапку. Подняла с пола зайца, решив положить его в кроватку к белому медвежонку.

Она уже, протянула руку и тут увидела спящую в кроватке Лизу.

– Доченька моя, – Нина схватилась за перильца и тут ноги

отказались держать ее тело. Женщина опустилась прямо на пол, повторяя, – ты! Это ты!

Баба Катя показала Сергею на стул, и он послушно уселся возле стола. Она налила из кувшина в стакан воды и подала его Сергею, а потом протянула белый кругляш таблетки.

– Положи под язык, сердечко и отпустит.

Через минуту Сергею, действительно, стало лучше, и тут он заметил стоящую в комнате коляску со спящим младенцем беспутной мамы.

– Что, так и не забрала ребенка?

Екатерина Андреевна подошла к коляске и долго смотрела на малыша. Когда она вновь повернулась к Сергею, лицо ее изменилось. Черты лица заострились, а рот скорбно изогнулся.

– Нет. Да и не заберет уже.

– Почему? – удивился Сергей.

– Машина ее сбила. В аккурат как ты уехал. Теперь Дашка сирота. От сироты родилась, и сама сиротой стала.

Бабуля присела на краешек стула и тяжело вздохнула:

– Я ведь Женьку предупреждала, что плохо все закончится. Не слушала она меня...

– И что же теперь?

Старушка внимательно посмотрела на Сергея своими голубыми глазами и тихо, словно раздумывая о чем-то очень важном, произнесла:

– А что теперь. Приедут эти, из опеки и заберут девку. Я-то старая. Мне не вырастить. Да и не даст никто. Позвоню завтра. В опеку. Она же, Женька, на учете не стояла и дома сама родила. Меня, в последний миг позвала. Я Дашку и приняла. В больницу просила не везти. Может, загубить хотела дитя, да так и не решилась. Вот так, сынок, бывает. Вроде и есть человек, а по документам, вроде, как и нету. Ну, эти-то выправят ей метрику живо. Только любовь бумажками не решается.

– Я могу ее любить. Я и моя жена, – неожиданно для себя сказал Тягунов.

– Сможешь? – еле слышно спросила бабуля.

– Да, – вдруг обретя уверенность, ответил Сергей, – мы потеряли ребенка, и у нас больше не будет детей. Хотя, простите, я не имею на это права.

– Господь решает наши судьбы! – Екатерина Андреевна поднялась со стула. – А ты свое право сегодня заслужил.

– Что вы имеете в виду?

– ы знаешь, – хитро прищурилась она, – ты ведь приходил сюда не случайно. Ты все знаешь. А теперь иди. Идите вместе.

Сергей встал, а бабуля подошла к коляске и вынув спящего ребенка, прямо в одеялке, передала ему в руки. Надев на девочку шапку, она подвела Тягунова к выходу, перекрестила и открыла перед ними дверь.

– Иди уже, подальше от людских глаз. Вместе идите. Да

пусть хранит вас господь.

Сергей шел по дворику к машине с ребенком на руках, и теперь у него не было ощущения, что он забрал чужое! Конечно, впереди предстоял непростой разговор с Мариной. Но он знал, что она поймет его. Поймет и простит.

Он надеялся, что теперь все плохое закончилось. Новая жизнь, новые надежды!

Наверное, так думают все, завершая определенный отрезок жизни. Не зная, что прямой дороги к счастью нет!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ОТ КОТОРОГО НЕЛЬЗЯ ОТКАЗАТЬСЯ.

Красивый большой дом находился совсем недалеко от города, но этого было достаточно для того чтобы сохранять уединение.

Деревенька разрослась километрах в пяти от деревянного двухэтажного особняка, и местный народец бывал у хозяина дома редко. Разве что по крайней необходимости.

Для выполнения работ по строительству или уборке территории он прибегал к услугам простого народа, да и то крайне неохотно. Его образ жизни требовал этого. Чем меньше людских глаз, тем лучше. Таким был его девиз, и он старался придерживаться неписаного закона.

Здесь было очень красиво во все времена года. Вот и сейчас, в декабре, местечко напоминало кусочек сказки. Дом

гармонично вписывался в пейзаж из леса, реки и холмов. И, возможно, здесь нашли приют сказочные гномы и эльфы.

Стоп...

Если здесь и жил кто-то не из простого мира, то это – хозяин дома. И был он не добрым волшебником, а, скорее, исчадием ада.

Да и дружки у него были под стать. Они частенько собирались под крышей этого прекрасного жилища, решая судьбы неугодных под звон бокалов с изысканным вином, а нередко, и под рюмочку обыкновенной русской водочки. Под хороший закус, все вопросы решались необыкновенно просто. И не дай бог кому-то угодить под замес!

Сегодня здесь было пусто. Картины, написанные рукой именитых художников, редкие статуэтки и вазы, старинная мебель, привезенная со всех уголков света, безмолвно взирали на молодую особу, пытающуюся вписаться в этот избранно прекрасный мир.

Хоть девушка и была симпатичной, было в ее образе что-то демоническое. Глаза ее не были добрыми. В них читался трезвый расчет и презрение ко всему окружающему миру. Длинные выбеленные волосы, придавали лицу еще больше кукольности.

Благодаря успешным инъекциям ботекса и гиауронки, она выглядела несколько моложе своих тридцати с хвостиком.

Светка, скучая сидела на диване и под звуки, лившиеся из включенного телевизора, листала модный журнал.

Когда в комнату вошел Мамон, она обрадовалась, но не подала вида, продолжая все также переворачивать страницы.

Мамон всегда выглядел хорошо. Любимым цветом считал черный. Он был высок ростом, в меру худощав и, несомненно, красив. Его темно карие глаза, насквозь пронизывали собеседника, словно еще до начала разговора, он уже знал о нем все. Правильные черты лица добавляли образу аристократичности.

Скрывая рано проявившиеся залысины, он брил голову почти наголо, но это ему тоже шло. Мамон выглядел гораздо моложе своих пятидесяти и старался поддерживать физическую форму на высоте.

Хозяин дома подошел к ней, присел рядом и приобняв, сказал:

– Ну что, Светик! У тебя сегодня День Рождения! Поздравляю!

Светка отбросила в сторону журнал и удивленно уставилась на Мамона.

– Ты что, совсем обалдел? У меня дняха вообще-то летом!

– Нет... сегодня... И ты будешь праздновать сегодня в твоём любимом ресторане свой День Рождения. И позовешь подружку. Ту, симпатичную, с темными волосами, – ласково поглаживая ее по голому колену, продолжал Мамон.

– Надьку что ли? – стараясь казаться равнодушной, уточнила девушка.

– Вот–вот. Именно Надьку.

– А если она не пойдет?

– Сделай так, чтобы пошла! – Мамон вытащил из кармана синюю бархатную коробочку. – Я вот тебе подарочек приготовил.

Взяв Светкину руку в свою, он раскрыл ее ладонь и вложил в нее подарок.

Девушка немедленно открыла синий маленький футлярчик и, вынув оттуда колечко, восторженно воскликнула.

– Ух ты! А камушки то настоящие!

– Кто бы сомневался! – усмехнулся Мамон. – Короче, сделай как я сказал. К семи вы с Надеждой должны быть в «Фениксе».

Он притянул ее к себе и поцеловал, а затем быстро сорвал с нее одежду, не очень заботясь, что может испортить нежные предметы ее белья.

Бархатная коробочка упала из рук Светки на пушистый ковер...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ШАМПАНСКОЕ С СЮРПРИЗОМ.

Наденька неторопливо шла по дороге мимо многоэтажек. Она только что закончила работу в салоне мобильной связи и теперь с удовольствием рассматривала витрины магазинов.

Ей хотелось украсить свою квартиру чем-то новым. Возможно, это будет красивый шарик для елки, которую сего-

дня она собиралась поставить и нарядить или, например, вот этот прекрасный светильник-медвежонок.

Он смотрел на нее со своего горящего разноцветными огоньками подиума, словно приглашая к дальнейшему, более близкому, знакомству.

Девушка уже собиралась толкнуть стеклянную дверь магазина, чтобы войти и совершить покупку, но звук телефона заставил ее остаться на месте.

Надя вытащила мобильник из сумочки, чтобы ответить на звонок.

– Я слушаю! – лицо девушки выражало недоумение. – Свет, ты что... Я только с работы тащусь. Какой ресторан? Я устала. Никуда не хочу идти сегодня.

Надя отошла от двери магазинчика, чтобы не мешать входящим туда людям.

– Правда, День Рождения? Хорошо! Договорились! Я буду у ресторана без десяти семь.

Она положила мобильник в сумочку, предварительно посмотрев время. До ужина в ресторане оставалось совсем мало, и Надя решила отложить покупку забавного медвежонка на завтра. Предстояло еще купить подарок Светке.

Магазинчиков впереди было предостаточно, и вскоре Надя остановила свой выбор на красивом из натуральной кожи, расшитым золотом кошельке.

Дома она приняла душ и, высушив феном длинные, ниже плеч, темные волосы, решила особенно не наряжаться.

Посмотрев на себя в зеркало, Надя решила, что выглядит вполне даже хорошо в этом розовом пиджаке и черных узких брючках.

Впрочем, она могла надеть на себя что угодно и все равно, притягивала бы к себе восторженные взгляды мужчин.

Бог наделил ее высоким ростом, стройной фигурой и великолепно-лицом, не требующим излишков косметики.

Посмотрев на настенные часы, она решила, что пора вызывать такси.

Сделав звонок, Наденька надела теплую куртку и пушистую, с ушками шапочку и вышла на улицу.

Ей не пришлось долго ждать. Машинка подкатила минуты через три.

У ресторана уже прогуливалась Светка. В своей эффектной белой норковой шубке, с завитыми легкими колечками светлыми волосами и густо накрашенными ресницами, она выглядела сногшибательно.

– Я уже продрогла, тут торчать, – немедленно выговорила она вышедшей из машины подруге.

– Еще бы, – усмехнулась Надя, – ты же без шапки, в такую-то холодину. Могла бы меня внутри подождать. Думаешь, я не нашла бы сама дорогу?

– Ну, уже дождалась, – примирительно буркнула Светка, – сейчас водки жаждем и сразу согреюсь.

– Ты что шутишь? – испугалась Надя. – Я водку не пью.

– А я про тебя и не говорю, – усмехнулась Светка и, под-

хватив Надю под локоток, прибавила шагу.

«Феникс» встретил их громкой музыкой и множеством народа за столиками.

– Вон, тот у окна, наш, – указала Светка на свободный столик, когда они оставили верхнюю одежду в гардеробной, – хорошо, что я заранее заказала, иначе плакал бы наш праздничный ужин. Народу-то сколько привалило!

Здесь были очень шустрые официантки. Не успели они присесть, как девушка в бордовом фартучке тут же приняла у них заказ.

Надя вынула из сумочки подарок и протянула Светке.

– Поздравляю тебя с Днем Рождения! Правда, подарок мой скромный, зато от души!

Светка молниеносно освободила коробочку от ленточки с розовым бантом и достала кошелек, восхищенно его рассматривая.

– Нравится тебе мой подарок? – улыбнулась Надя.

– Еще бы! – воскликнула Светка. – Мне очень, очень нравится!

К ним плавно качая округлыми бедрами, подплыла официантка и, выставив на стол бутылку с вином и закуску, удалилась.

Когда в зал ресторана зашли Мамон, Толстый и Санек, Светка сделала вид, что не заметила их прихода.

Троица устроилась за столиком в углу зала, возле кадки с огромной пальмой.

Отсюда хорошо просматривалась абсолютно вся территория.

– Водки, ликерчика, только в бутылке, и из закуски чего-то тащи, – сказал Мамон, не сводя взгляда со столика слева от себя.

– Молодец, Светик.

– Тут сегодня весело! – усмехнулся Санек. – Девочек много.

– Все бы тебе девочек щупать, – хмыкнул Толстый, комкая ладонью салфетку.

Мамон вытянул из кармана мобильник, открыл фотографии, сравнивая оригинал с картинкой.

– Да, это точно она. Эта самая Надя.

К столику приблизилась официантка с заказом, и Мамон немедленно убрал телефон в карман.

Официантка выставила на столик заказ и, получив от Саньки шлепок по попе, удалилась.

Толстый только собирался зацепить вилкой кусочек мясной нарезки, как увидев взгляд главного, бросил его обратно в тарелку.

– Ты что, жрать сюда пришел? – зло сощурил глаза Мамон. – Давай, заряжай.

Толстый поставил бутылку себе на колени, пряча ее от посторонних глаз и достав из кармана заправленный шприц, ловко впрыснул его содержимое в бутылку.

– Давай, Санек! – усмехнулся он, передавая стекляшку, – Твой выход! Отнеси подарочек.

Санек поднялся с места и, соорудив на лице гримасу бесконечно счастья, неторопливо отправился вдоль столиков.

Усаживаясь на стул рядом со Светкой, он без промедления обнял ее за плечи.

– Светусик! С днюхой тебя! – он чмокнул ее в щеку. – И подарочек вот от нашего стола вашему. Давайте выпьем за твое драгоценное здоровье.

Не замечая удивленных Надиных глаз, он налил вино и ей и Светке.

– А себе? – спросила Светка.

– А я, красуля, к сожалению, зашитый. Рад бы, да не могу, – он налил в свой фужер минералки. – Жаль, конечно, но что тут поделаешь. Хоть на вас посмотрю.

– За тебя, Светка!

Шампанское было сладким и приятным на вкус, и Надя выпила все сразу.

Светка сделала лишь глоток, когда Санек, якобы нечаянно толкнул ее под локоток. Девушка испуганно вскрикнула, пролив на свое дорогущее платье содержимое фужера.

– Вот черт! Хана платью! Что делать теперь? – она безуспешно пыталась промокнуть салфетками мокрое пятно. – Надо попробовать замыть.

Отчаявшись, Светка бросила бесполезные тряпки на стол и вскочила из-за стола.

– Попробую в туалете отмыть.

Светка быстро пошла к выходу.

– Я с тобой, – Надя сделала несколько шагов, но вдруг пошатнулась и оказалась в объятиях Санька, тут же подхватившего ее.

– Все нормально, нормально, – приговаривал он, выводя ее из зала, – Просто надо срочно подышать воздухом.

Увидев, что дело сделано, Мамон и Толстый встали из-за столика и, бросив на стол пятитысячную купюру, вышли на улицу.

Когда Светка вышла из туалета, с горем пополам закрыв пятно водой, то не увидела ни Нади, ни компании Мамона. Она растерянно огляделась по сторонам, положила в сумочку, лежащий на столе подарок и тоже отправилась к выходу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. В ПЛЕНУ.

Санек уже выносил из машины безжизненное тело Нади, когда в доме подкатило авто Мамона.

Толстый даже не предложил ему помощь. Он лишь подтрунивал над ним,

– Телка–то вроде худая, а у тебя того и гляди, пупок развяжется.

Волоки ее в подвал, коль взялся за дело.

Санек был невысок ростом, его можно было бы назвать крепышом, поскольку его жилистое спортивное тело не имело ни капли жира. Но он и правда, боялся уронить девуку, спускаясь по крутым ступеням вниз, в подвал.

Ее руки и ноги висели безжизненными веревками, сильно мешая идти. Но он все-таки донес ее и кинул на заранее приготовленный тюфяк. Затем связал спящей девушке руки и ноги и вернулся наверх.

Мамон с Толстым уже сидели за большим столом и навестывали упущенное в ресторане. Они праздновали успех дела, аппетитно жуя и запивая еду изрядной порцией водки.

– Ну что она? Дрыхнет? – равнодушно спросил Мамон, ставя пустую рюмку на стол.

– Дрыхнет, без задних ног! – кивнул Санек, усаживаясь к столу. – Наверное, лишка лекарства закачали.

– Норм, – хмыкнул Толстый, – очухается, чай не впервой! Опробованное средство.

Когда Надя открыла глаза, то обнаружила себя связанной. Она попыталась присесть, но услышала голоса и решила притвориться спящей, надеясь хоть так узнать, что происходит. А в том, что она попала в беду, девушка несколько не сомневалась. Руки и ноги ее были связаны, а голова просто раскалывалась на части. Она успела рассмотреть лестницу, ведущую наверх, в дом и сейчас по этой лестнице кто-то спускался. Судя по голосам, их было двое.

Когда Санек и Толстый подошли к девушке, то та лежала в той же позе как ее оставили.

Санек носком ботинка небрежно толкнул Надину ногу, не желая наклоняться. Надя никак не отреагировала на доволь-

но сильный толчок.

– Спит, сучка!

– Конечно, накачали ее этой дрянью в кабаке! – засмеялся Толстый. – Ты бы на ее месте тоже дрых без задних ног.

Толстый с трудом опустился на колени и склонившись над Надей, несильно похлопал ее по щекам, пытаясь привести в чувство. Но она осталась безучастна и к этим действиям.

– Может, она уже вообще сдохла? – испугался Санек.

– Да нет, – Толстый поднялся с колен, отряхивая руками пыльные штаны, – дышит она. Очухается скоро. Думаю, шеф не против будет если мы с ней повеселимся немного? Но это все позже, а пока, пошли, Санёк, водяры накатим еще.

Они едва успели занять места за столом, как в дом вихрем ворвалась Светка.

– Вы куда, изверги, Надьку дели? – сразу заорала она. – Сволочи вы! Зачем она вам?

– А ты, Светусик, зря волнуешься! Норм подружка твоя. Спит. Дома у себя. Перепила лишка.

Толстый встал, снял со Светки шубку, и бросив ее на диван, насильно посадил девушку к себе на колени. Налив водки, он протянул ее Светке,

– Выпей, нервишки успокой!

– Да пошел ты! Врешь, сволочь! – Светка с трудом выбралась из его объятий и, усевшись на стул рядом с Мамоном, схватила рюмку и залпом выпила.

– А вот это по-нашему, – одобрил Санек, – больно нужна

нам твоя курица! В кабаке такие телочки справные тусили!

— А ну заткнитесь все, — рубанул кулаком по столу Мамон, — думать мешаете. И ты, — он повернулся к Светка, — прекрати ныть, а то я тебе сейчас холодный душ устрою со всеми вытекающими.

— Хамло, оно хамло и есть. — Светка обиженно поджала пухлые губки. — И что только я с вами делаю?

— А кто тебя вообще спрашивает. Хочешь ты чего или нет? — Мамон обнял Светку за шею, его голос звучал уже мягче, — ладно, красуля, не обижайся, — он протянул Светке конфету, — скушай сладкое, полезно для здоровья!

Светка конфету не взяла и демонстративно отвернулась.

— Не дуйся, кукла, — пьяно протянул Санек, — пошли лучше наверх. Я знаешь, какой ласковый и нежный.

— Ща-а-с, разбежалась!

— Зря ты так! — обиделся Санек и опрокинул еще рюмашку.

Надя безуспешно пыталась освободить руки. Санек знал, что делал, когда связывал ее. Конечности сильно затекли, и ей было очень больно. Она внимательно осмотрелась. Должно же было здесь быть что-то острое. Ведь это всего лишь захламленный подвал.

Теперь, когда глаза привыкли к полумраку, девушка увидела, откуда исходит свет.

Это было маленькое окошко на бетонной стене, очень вы-

соко, под самым потолком.

Никоим образом ей бы не удалось преодолеть эти метры. Она же не была человеком-пауком.

Луна светила в оконце, словно дразня ее духом свободы, такой вроде близкой, но недостижимой.

Когда отчаяние полностью овладело ей, девушка заметила ручку какого-то инструмента, торчавшего между стеной и ящиками.

Она сползла с матраса и, на попе, помогая себе связанными ногами, кое-как добралась до деревянного хлама.

Ей удалось выдернуть кончиками пальцев железяку.

К ее величайшему восторгу – это оказалась пила. Старая, с проржавевшими, кое-где поломанными зубьями, но все-таки пила.

Боясь, чтобы бандиты не вернулись, она быстро пропихнула руки к ее зубчикам и уже через минуту была свободна. Освободить ноги ей удалось еще быстрее.

Теперь предстояло подняться наверх по крутой лестнице, чтобы проверить, закрыта ли дверь. Что она незамедлительно и сделала, крадучись преодолевая ступени.

Дверь была слегка приоткрыта. Но, к сожалению, находилась не в прихожей.

Заглядывая в щелку, Надя смогла увидеть сидящих за столом отморозков и сразу поняла, что не сможет выйти из подвала незаметно.

Думать о том, что скоро бандиты вернуться и обнаружат

ее бодрствующей и без пут, было невыносимо. Она хорошо представляла, что произойдет дальше! Просто так людей не похищают и не бросают в темном холодном подвале.

Девушка металась по захламленному пространству, пытается найти хоть что-то полезное.

Она споткнулась о торчащую из-под банок с красками доску и, зажмурившись, замерла от ужаса. Если этот звук услышали наверху, все для нее закончилось бы уже сейчас.

Девушка прислушалась, но грохота шагов, не услышала. Значит, на этот раз все обошлось!

Пытаясь вытянуть ногу, зацепившуюся порчиной за гвоздь, она подняла пакет с пластиковыми банками и едва не вскрикнула. Под ними лежала старенькая, с поломанными перекладинами лестница.

Надя осторожно освободила ее от остатков строительного мусора и понесла к стене.

Пристроив ее под окошком, она не решалась на нее встать. Отсутствие некоторых перекладин и ветхое состояние лестницы, пугало ее. Она могла рухнуть под тяжестью человеческого тела немедленно.

Да и окошко могло оказаться забитым наглухо. Но сидеть здесь, в минуте о свободы, Наде вовсе не хотелось.

Она нашла в мусоре старую куртку и быстро надела ее. Без верхней одежды, даже если бы ей удалось убежать, холод если бы и не убил ее, то парализовал бы продрогшее тело, очень быстро.

Она ступила на хлипкое дерево и прислушалась к звукам доносящимся снаружи.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. СМЕРТЕЛЬНЫЕ РАЗБОРКИ.

Компания продолжала пить, когда Мамону показалось, что на столе слишком мало еды и тогда он толкнул Светку, сонно прикрывшую веки.

– Хватит дрыхнуть! Иди, приготовь чего-нибудь мясного.

– Еще чего, – злобно вспыхнула девушка, – я тебе не повариха. Если жрать охота – закажи теток из деревни. Там много желающих срубить бабла.

– Поговори еще, – дружелюбно ответил Мамон, – не повариха она. А давно ли ты на побегушках в редакции была, чай подавала?

– Давно, – огрызнулась Светка, – навсегда хватило. Отстань, вообще, от меня.

Девушка встала и, подойдя с сигаретой к двери балкона, собиралась выйти покурить, но, вдруг тревожно застыла:

– Едет кто-то по дороге. Сюда. Вы что кого-то ждете?

– Кого это нелегкая принесла? – буркнул Мамон, не ответив на ее вопрос, – Толстый, глянь.

Толстый нехотя выбрался из своего мягкого кресла и, подойдя к окну, хмыкнул:

– По ходу, журналюга прикатил. Недолго и ждали.

– Пойду перетру с ним, а вы пока не высовывайтесь.

Мамон накинул в прихожей черное драповое пальто и вышел на улицу.

Светке очень хотелось посмотреть, что будет дальше, но Толстый культурно взял ее за локоток и, отведя к столу, усадил в кресло, покрытое шкурой волка.

– Посиди пока на троне Мамона, водочки накати и не суй свой нос куда не следует.

– Не суй? – пьяненько воскликнула Светка, щелкая зажигалкой и прикуривая сигарету. – Что я не могу даже узнать, за каким лядом Сереженька Тягунов сюда пожаловал. В вашу-то компашку?

– Опа! Сереженька! – усмехнулся Санек. – Видал, как она его... Полюбовно.

– Заткнись дурак! – огрызнулась Светка, стукнув Санька в плечо свободной от сигареты рукой.

Надя осторожно поднималась по перекладинам жалкой лестницы.

Когда одна деревяшка предательски треснула и развалилась под ней, девушка, вздрогнула и быстро перенесла ногу выше.

Страх свалиться вниз, несколько секунд держал ее в одном положении. Лишь убедившись в относительной твердости своего положения, Надя продолжила движение к заветной цели.

Лестница не подвела. Надя стояла на предпоследней перекладине и видела перед собой заснеженную полянку перед домом.

Дальше земля уходила вниз, к реке. Верхушки пушистых елок упирались в звездное небо. Луна хорошо освещала все вокруг, а крупные пушистые снежинки затеяли в этом свете свой собственный танец.

Надя нажала рычажок на раме и, к своему удивлению, легко открыла окно. Морозец сразу ударил ей в лицо.

Ничто не мешало ей на пути к свободе, но хруст снега под ногами выходящих из-за угла дома людей, заставил ее остановиться.

Она увидела двоих мужчин. Один, в строгом черном пальто. Она видела его и в ресторане и здесь, в щелку двери подвала.

Другой мужчина, тоже высокий, одетый в серую с капюшоном куртку-пуховик – был ей незнаком.

Эти двое остановились прямо напротив подвала, и Наденьке пришлось присесть, и прикрыть окошко, чтобы остаться незамеченной. Но она продолжала хорошо их видеть и слышать.

– Я давал тебе время его вернуть. Где мальчик? – спросил человек в серой куртке.

– Больно ты прыткий! – зло сказал второй. – Сначала флешка.

– Так я и думал. Мальчика у тебя нет. Завтра мой репор-

таж увидят все.

– Не гони коней, журналюга! – человек в черном пальто усмехнулся. Ты еще не назвал сумму, которая бы тебя успокоила.

Надя вслушивалась в разговор и мысленно окрестила человека в пальто – бандюганом, а гостя – журналистом, не исключая возможности прибегнуть к помощи этого самого журналиста, который, конечно, не пешком сюда пришел.

– А сколько стоят погубленные души? – журналист надел на голову капюшон, спасаясь от метели. – Ты знаешь им цену?

– Красивые слова... Я спрашиваю, сколько ты хочешь?

Бандюган подошел ближе к журналисту.

– Я все сказал. Нет мальчика – нет флешки, – спокойно ответил тот.

– Думаешь все так просто? И ты можешь мне угрожать?

– Я много думал, теперь я просто сделаю это!

Журналист решительно рубанул рукой воздух, повернулся и пошел за угол. Наверное, к своей машине. Но не успел он сделать и пару шагов, как бандюган вскинул руку с пистолетом и выстрелил ему в спину.

Мужчина рухнул лицом вниз, прямо в белоснежно чистый, только что нападавший снег. Красная лужица быстро растекалась по серой куртке, пачкая и его.

Бандит подошел и пнул несчастного в бок, словно желая удостовериться, что тот мертв.

– Ты сам это выбрал. Со мной нельзя играть! И теперь ты точно никому ничего не расскажешь и не покажешь!

Бандит вернулся в дом, а Наденька, умирая от страха, заставила себя выбраться из окошка на эту чертову полянку, где лежал только что убитый человек.

Она понимала, что возможно сейчас, там, в доме, уже обнаружили пропажу и уже ищут ее.

Она металась по двору с постройками, решив спрятаться и переждать в укромном местечке, понимая, что если сейчас она бросится к дороге – бандиты найдут ее сразу. Если пойдет вниз, к реке и лесу, они обнаружат ее следы и тоже найдут!

*** Мамон зашел в комнату, держа в руках пистолет.

Троица не сводила с него глаз.

– Я слышала звук выстрела, – первой нарушила молчание Светка.

– Толстый, придержи во дворе! – Мамон словно не слышал слов девушки. – Пусть в подвале пока полежит! -

Он уселся к столу, налил себе водки и выпил.

– Я в этом не участвую, – вскочив, истерично заорала Светка.

– Расслабься, Светуля! – Санек насильно усадил ее на место. -

Так у нас там эта! Может, очухалась. Пойду, посмотрю.

Санек неторопливо отправился в подвал. На самом деле

ему просто не хотелось слушать Светкины визги и вздохи.

Еще не успев спуститься до самого низа, он увидел приклоненную к стене лестницу и открытое окошко. И сразу все понял!

Несмотря на выпитую водку, он молниеносно взлетел вверх по ступеням и заорал, растерянно разводя руками:

– Девка сбежала! Там лестница у стены и окно открыто!

– Живо найди ее, и приведи ко мне! – мрачно сказал Мамон и Толстый с Саньком, одевая на бегу куртки, выскочили на улицу.

Сначала они метались по двору. Потом спустились к реке, в надежде отыскать следы беглянки.

Ничего не найдя, бандиты сели в машину и уехали вверх по дороге, решив, что больше ей деться некуда. Они должны были найти ее раньше, чем девка доберется до деревеньки.

– Значит, Надька здесь была все это время? – вдруг спросила Светка, когда они с Мамоном остались одни. – А Сережа Тягунов? Ты убил его? Говори! Плохо, все плохо. Я чувствую!

– Чувствует она! – тихо сказал Мамон, закуривая. – А мне вот писаку твоего не жалко, сам виноват.

Мамон подцепил вилкой кусочек селедки и отправил его в рот.

Светка вскочила и с кулаками набросилась на Мамона, дубася в грудь,

– Он не мой, к сожалению! Не мой! А как бы я хотела этого! Что? Что ты сделал с ним сволочь?

*** Надя выбралась из-под колес огромного трактора, стоявшего у сарая, и огляделась по сторонам. Девушка понимала, что не может оставаться здесь.

Теперь, когда бандиты уехали, у нее есть немного времени для того чтобы найти себе новое убежище.

Холод пробирал до костей, тонкая курточка не спасала от ледяного ветра и снега, но Надя, ломая ногти, лезла вверх на мерзлый бугор, чтобы попасть на следующий изгиб дороги.

Выбравшись наверх, она свернула на перекрестке к дороге, ведущей в город, а не в деревню, решив, что именно там ее будут в первую очередь искать. И вдруг увидела едущую прямо на нее машину. И это была не та машина, что унесла в себе бандитов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.